
А.Н. РЫЖОВ

ИЗ ИСТОРИИ СТАНОВЛЕНИЯ ОСНОВНЫХ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ ПОНЯТИЙ В РОССИИ (XI–XVII вв.)

Статья поступила
в редакцию
в октябре 2008 г.

В отечественной историко-педагогической литературе значительное распространение получила точка зрения, в соответствии с которой начало формирования педагогической терминологии в России относится к XVIII в. Между тем, на основании разнообразных источников XI–XIV вв. можно судить о широком использовании уже в этот период в литературе и педагогической практике таких понятий, как «воспитание», «образование», «учение», «учитель» и пр. Ко второй половине XVII в. относится утверждение терминов «урок» и «класс», появление которых обычно связывают с реформами образования, проведенными Екатериной II в конце XVIII в. В предлагаемой статье на архивном и опубликованном историческом материале показано становление основных педагогических понятий в России в XI–XVII вв.

Аннотация

Разработка проблем понятийно-терминологического аппарата — одно из приоритетных направлений современной педагогической науки. Однако в отечественной историко-педагогической литературе становление и развитие педагогической терминологии¹ в России в период X–XVII вв. практически не рассматривалось, поскольку считалось, что педагогические понятия начали складываться только с XVIII в. [61. С. 3; 20. С. 21; 11]. Лишь в работах Б.Б. Комаровского и И.М. Кантора признавался факт существования в русском языке до XVIII в. некоторых педагогических понятий, но с крайне узким значением. Так, в работе «Русская педагогическая терминология» в отношении термина «воспитание» отмечалось: «До XVI в. слово “воспитати” имело чисто житейский смысл — “вскормить”. Затем оно постепенно приобрело педагогическое значение» [34. С. 58–59]. Об употреблении терминов «училище» и

Педагогическая теория о времени становления основных педагогических понятий в России

---

¹ Понятие — суждение о предметах и явлениях, отражающее их общие и существенные признаки. Содержание понятия закрепляется при помощи терминологического имени, или термина. Термин (лат. terminus — предел, граница) — слово или словосочетание, точно обозначающее определенное понятие, применяемое в науке, искусстве, технике. Между содержанием терминов возникают определенные смысловые связи, которые в совокупности образуют известную систему терминов, или терминологию. Терминология (terminus — граница и logos — учение) — совокупность (система) взаимосвязанных терминов, построенная в соответствии с сущностью понятий.

«школа» делались такие утверждения: «термин “школа” в документах встречается со времен Петра I» и «названия “школа” и “училище” в официальном языке употреблялись на равных основаниях, но обычно общеобразовательные учреждения назывались школами, а специальные — училищами» [34. С. 59]. По мнению И.М. Кантора, «в области теории воспитания еще в XVII в. утверждается термин “воспитание”, заменивший термины “уход”, “возращивание”, “вскармливание”». В отношении термина «учение» было отмечено: «В области теории обучения основные понятия дидактики — “обучение”, “урок”, “учение” — укрепляются в XVIII в. Последнее встречалось только в частных значениях — “учение книжное”, “учить книгам”, “учить ремеслу”» [32. С. 182].

В 1980–1990-е гг. появился ряд работ, в которых позиции предшествующих лет были несколько пересмотрены. В статье М.А. Галагузовой «Эволюция понятия “воспитание”» сделана попытка «отодвинуть» время становления этого понятия к Древней Руси и включить в его содержание элементы не только физического, но и нравственного развития человека: «Определяющим для этого очень продолжительного периода (X–XVII вв. — *А.Р.*) было христианское воспитание, в основе которого лежало усвоение подрастающим поколением христианской морали» [15. С. 50]. В.М. Петров применительно к периоду IX–XII вв. замечает: «Слова “воспитание” и “возрастание” — синонимы. Воспитание родственно словам “питать”, “напитать”, “питание”... Этим же термином — “воспитание” — стали обозначать и процесс доведения до полного роста» [43. С. 56]. Автор, вероятно, имел в виду и нравственное развитие ребенка, поскольку вряд ли можно довести человека «до полного роста», не развивая его нравственно. В отношении термина, обозначавшего место учения, В.М. Петров вполне справедливо отмечает: «Места обучения элементарной грамоте в Древней Руси назывались не школами, а “училищами”. Важно отметить, что в Киевской Руси не заимствуют термин “школа”, известный и в Византии, и на Западе, а пользуются своим, традиционным» [Там же. С. 51]. В историко-педагогической литературе, однако, факт использования в XIV–XVII вв. иностранных педагогических терминов, связанных с процессом обучения, — например, «школа», «дидакал», «педагог» и др. — не нашел должного отражения.

Более определенно и взвешенно о времени появления педагогической терминологии пишет в своем исследовании, посвященном общим проблемам развития школы и педагогической мысли на Руси в IX–XIII вв., С.Д. Бабишин: «Она («кириллическая книжность». — *А.Р.*) ускорила процесс формирования у восточных славян педагогической терминологии, что имело огромное значение для развития древнерусской педагогической культуры. Приведем выборку таких терминов ... : учение, ученик, учитель, чтение, писание, списание, лечба, излагати, научати, поучати, изучати, разумети, познати, памятовати, воспоминати, восприятие, воспитание и др. Наличие в письменности XI в. вполне устоявшихся педагогических терминов для обозначения различных способов и средств

обучения грамоте также отодвигает зарождение обучения грамоте у восточных славян ранее 988 г. Книжная педагогическая терминология не могла сложиться мгновенно, ей должен был предшествовать какой-то период развития» [8. С. 57]. Однако подобное — верное по сути — утверждение является своего рода исключением как для советской, так и для современной историко-педагогической литературы.

В целом можно отметить, что доминирующая в историко-педагогической литературе точка зрения о столь позднем происхождении основных педагогических понятий — в XVI–XVIII вв. — отражает, вероятно, определенные идеологические установки советского времени на освещение проблем образования и воспитания или же показывает недостаточно хорошее знакомство с источниками.

Эволюцию содержания основных педагогических понятий на протяжении XI–XVII вв. целесообразно рассмотреть на основании разнообразных источников, сохранившихся в многочисленных списках начиная с XI в., что позволит отчасти судить и о степени распространенности этих понятий. Эти источники можно условно разделить на три большие группы:

- христианская богослужбная и духовно-нравственная литература;
- научные сочинения («Хроника» Георгия Амартола, многочисленные списки хронографов, грамматические сборники, содержавшие работы по историографии и словари иностранных слов и др.);
- учебная литература (азбуки, азбуковники, прописи, учебные псалтыри и учебные часословцы, буквари, грамматики и др).

На основании рассмотрения указанных групп источников представляется возможным ответить на следующие вопросы: каков перечень основных педагогических понятий, которыми оперировали в XI–XVII вв.; существовала ли однозначность в трактовке содержания этих понятий; какова была степень распространения педагогических понятий на территории страны. Поскольку формат статьи не позволяет провести целостного научного исследования названных вопросов, их решение будет осуществлено на основе выявления общих тенденций, характерных для указанного периода.

Зарождение педагогических понятий в восточнославянских землях обусловлено двумя взаимосвязанными процессами – возникновением письменности и распространением христианства, которые с самого начала сопровождались использованием книг самого разного содержания: от богослужбных до научных и учебных. Родоначальники славянской письменности Кирилл (ок. 827–869) и Мефодий (ок. 815–885) происходили из славянской семьи, жившей в славянском княжестве (г. Солунь, Македония), они с рождения слышали и греческую, и славянскую речь. Поэтому создание славянской азбуки и письменности происходило на основе хорошего знания речевых оборотов славянского языка, особенностей произношения и значения использовавшихся слов. Это способствовало успешному переводу ими книг с греческого на славян-

Становление содержания основных педагогических понятий: «образование», «воспитание», «обучение», «учитель», «ученик», «училище»

ский язык. Переведенные книги содержали значительное число педагогических понятий, основными из которых являлись «образование», «воспитание», «учение» и их многочисленные производные.

Следует заметить, что содержание педагогических понятий, вошедших с конца X в. в языковой оборот славян, до этого формировалось многие столетия на территориях Афинского государства, Древнего Рима, Византии. Античное педагогическое наследие на основе христианских ценностей и норм было в чем-то серьезно пересмотрено, в чем-то лишь дополнено и получило дальнейшее развитие в Византии. Продолжительная педагогическая практика Византии также лежала в основе богатства содержания основных педагогических понятий. Поэтому педагогические понятия, предложенные восточнославянским племенам на их родном языке и одновременно закрепленные содержательно в значительном числе готовых письменных источников, имели богатый смысл.

Таким образом, в русских землях уже в первые века после создания письменности и принятия христианства сложилась система педагогических понятий, имевшая определенную терминологию, достаточно однозначно обозначающую конкретные понятия или явления. Устойчивость христианской системы ценностей обеспечила и стабильность ее терминологической системы на многие столетия, а педагогический характер распространения христианства обусловил и педагогический характер терминологии. Поэтому изменение содержания терминологической системы происходило в дальнейшем лишь при изменении ценностной системы общества.

Центральное место в системе педагогических понятий занимал термин «образование». В соответствии с христианским учением человек создан по Образу и Подобию Бога, поэтому задача каждого человека — приближение к Образу, формирование в себе стремления к постоянному движению в этом направлении. Отсюда и термин «образование». Ведущим средством в достижении Образа признавался физический и нравственный рост («возраст») человека, поддерживаемый духовным «питанием» через личный пример окружающих людей и книги. Так понималось и реализовывалось содержание термина «воспитание». Признавалось, что человек преодолевает свои недостатки сам, его лишь в этом направляют и наставляют — он учится. Понятие «обучение», включавшее «учение» и «наставление», рассматривалось и как процесс, и как определенный результат их осуществления. Подобная взаимосвязь важнейших педагогических понятий находила отражение в многочисленных источниках на всем протяжении XI–XVII вв.

Образование — и его цель, и сам процесс — признавалось важнейшим обстоятельством для всей жизни человека. Поскольку образование как процесс имеет характер учения, в источниках они иногда отождествлялись: «На пестрое книжное образование утверждающе отроки» [64. Стб. 539]. В то же время в источниках термин «образование» встречается реже, чем остальные. Связано

это с важностью самого слова «Образ»: подвергать его каким-либо изменениям считалось нецелесообразным, а также с тем, что для каждого христианина было ясно, что оно означает. Так, например, в духовно-нравственном сборнике «Пчела» в списке XIV в. даются такие мысли: «личины образ видиться в зеркале, душевный же беседами является», «слово образ есть делу». Термин «образование» использовался и в варианте «образовать»: «также и ум, свой свет посылая, всяческая и тело и дела светла образует», «якоже печать прилепляется к мякхку воску, также и учение мудрых в младых детин образуется» [26. С. 154], или: «един от боляр царевых, воевода сый саном, душевною бодростию и величеством же и всеми инеми добротами ими же вид телесный и доблесть душевнаго мужества образоватися обычай имать» [22. Л. 56]. В последней цитате не только достаточно хорошо раскрывается содержание понятия «образование» для XIV в. — из нее становится понятно, что такое словопотребление является уже обычным делом. А достигалось образование через телесное и душевное развитие, т.е. через воспитание.

Термин «воспитание» также использовался в русских княжествах уже с XI в. и буквально означал «вскармливание», под которым подразумевалось не только физическое, но и нравственное «вскармливание» или рост. Значение «умственное развитие» термин «воспитание» в тот период не включал по трем причинам. Во-первых, умственное развитие человека неотделимо от нравственного и признавалось в то время его составной частью и средством; во-вторых, умственное развитие, рассматриваемое отдельно от нравственного, могло привести к «мудрствованию», т.е. росту самомнения, гордыни, эгоизму; в-третьих, оно отождествлялось с учением, а не с воспитанием: «уму доброму учися, а старейшему человеку повинися» [2. С. 8]. Поэтому в источниках вплоть до конца XVII в. отдельно задачи развития ума в рамках содержания понятия «воспитание» не встречаются.

В число книг, которые постоянно читали представители всех сословий и возрастных групп, входили Священное Писание и Жития святых. Эти тексты включали весь комплекс жизненных правил и норм, для их передачи широко использовалась система педагогических понятий. В Священном Писании содержание воспитания раскрывается следующим образом: «И вы, отцы, не раздражайте детей ваших, но воспитывайте их в учении и наставлении Господнем». Хорошо видно, что термин «воспитание» включал в себя «учение» и «наставление», которые признавались его составными частями. Ниже указанная взаимосвязь этих понятий будет показана на примере и других письменных источников. Такой вид источников, как Жития святых, имел повсеместное распространение на всем протяжении исследуемого периода: родители читали их своим маленьким детям, они изучались в училищах, с ними знакомили прихожан в церквях во время проповедей, они составляли основной жанр духовно-нравственного чтения в свободное время. Количе-

ство сохранившихся с XI–XVII вв. списков очень велико, поэтому представляется возможным на примере лишь некоторых из них показать употребление термина «воспитание» поэтапно с XI в. по XVII в. В скобках приводится дата списка Жития.

«Благодетию же паче млеко воспитан» (XI в.) [69. С. 6].

«От благородныя крове рожься и воспитан благочестиво» (XII в.) [24. С. 105].

«Иже воспитает отроча благоугодно благостен есть», «во благых обычаих воспитан» (XIII в.) [41. Ст. 4. Гл. 12].

«Тыи бяше того же Константина града рожаи и испитание» (XIV в.) [10].

«Понеже б (Всеволод. — А.Р.) во Олговичех всих удалее рожаем и воспитаем» (XV в.) [45].

«Рождением и воспитанием Нижняго Новгорода граждан» (XVI в.) [59. Л. 212].

«Иже от юности во благочестии воспитанному» (XVII в.) [3. С. 135].

Другой комплекс источников, раскрывающих содержание термина «воспитание», составляют летописи. Например, Лаврентьевская летопись (список 1377 г.) сообщает: «Аще родится ... девоческ пол то въздоят (должное въздадут. — А.Р.) и прилежнее воспитают» [47. Стб. 1337]. В Софийской летописи (список середины XV в.) о великом князе Дмитрие Ивановиче Донском упомянуто: «Воспитан же бысть в благочестии и в славе со всяцями наказании духовными» [48. С. 134].

Содержание понятия «воспитание» раскрывалось и в источниках правового характера — кормчих книгах. Самая древняя из них относится к X в. Вот, например, предписание из Ефремовской кормчей книги (XIV в.): «Аще кто своя чада не воспитает...» [35. Л. 15].

Ведущим средством достижения и образования, и воспитания на протяжении XI–XVII вв. признавалось обучение. Появление терминов «обучение» и «учение» также относится к периоду X–XI вв., причем «обучение» в смысловом отношении включало в себя «учение» и «наставление» и понималось как процесс передачи и усвоения какой-либо практически необходимой и духовно полезной информации, в частности основ христианского вероучения, как изучение грамоты и чтение книг, поскольку все это было единым процессом. В этот же период входят в оборот и родственные понятия: «учитель», «ученик», «ученица». Названные термины находят свое отражение в тех же источниках, которые были указаны выше.

В Ефремовской кормчей книге (список XII в.) мы находим следующие примеры использования указанных терминов: «учащимся гражданскому закону не подобно есть елинских обычаи приимати» или «и тогда к тому глаголемым от них верным научающемся вере и образу» [16. Лл. 62 б, 96 б]. В другом популярном на Руси с XII в. своде законов — «Пандектах» Никона Черногорца — даются такие рекомендации: «яко могут в наказании и в ученьи Господни воспитати приводимыя дети», «рукоделию научитесь делати» [17. Лл. 17 а, 148 в].

В Житиях святых свидетельства, раскрывающие названные понятия, столь же многочисленны, как и в отношении термина «воспитание», поэтому ниже проводятся лишь некоторые примеры.

«Родивши и воспита, добронравне научивши по книгам» (XIII в.) [19. Л. 93 в].

«Крестьяну же родителю сын, тем же научися и внешних мудрых научения» (XIV в.) [52. Л. 70 а].

«Четырми языки философыи научися, елинский, римский, сурский, жидовский» (XIV в.) [23. Л. 274 а].

«Рождшужесея отрочати и седьмаго лета возраста достигшу, вдан бывает родителема книгам учитися» (XVI в.) [44. С. 411].

В широко известном памятнике письменности XI в. — «Изборнике 1076 года» — содержатся следующие варианты использования терминов «учение», «учитель», «ученик»: «боиться ученик учителява слова, паче же самого учителя»; «яко подобает ученики учатся уму с мною хитростью и кротостью наставляти»; «дела благочестивыми и учении доброчестивыми светяся» и др. [29. С. 242, 448, 486]. Тогда же, в XI в., широкую известность получило математическое сочинение Кирика Новгородца — «Учение, имже ведати человеку числа всех лет» [66. С. 122–129; 67. С. 25–40].

Летописи отражают достаточно широкое знакомство современного им общества с содержанием термина «учение» и его производных. В Лаврентьевской летописи (список 1377 г.) есть такие упоминания: «муж хитр книгам и ученью», «учителен и хитр ученью божественных книг», «исполнен книжнаго ученья», «благочестно делатель научися... очима управленье, языку удержанье имети» [47. С. 79, 89, 185, 190] и др. В Софийской Первой летописи (список середины XV в.) под 1030 г.: «И прииде к Новугороду, собра от старост и поповых детей 300 учити книгам» [49. С. 136].

Летописи раскрывают и содержание термина «учитель»: «Тех же всех учителей грамотных призываше к себе Митрополит и наказываше, православие и благочестие крепко соблюдать, и безумных речей и неподобных ошаятися» [47. С. 94].

С XI в. начала складываться практика призыва священников-учителей к митрополиту, от которого они получали специальные наставления о том, как им надлежит обучать детей. Подобные наставления содержатся в многочисленных архиерейских «Поучениях...», которые систематически рассылались священнослужителям-учителям. В подобных посланиях особое внимание обращалось на необходимость кроткого воздействия на учащих, а телесные наказания и грубое обращение с детьми приравнивались к преступлениям и подлежали рассмотрению в церковном суде с наказанием вплоть до снятия сана.

С термином «учение» в источниках нередко соседствует понятие «наказание» в его педагогическом смысле. Поскольку представления о его содержании со временем изменились, необходимо уточнить содержание понятия «наказание». Слово «наказание» вошло в общее употребление уже с X в. и означало «наказ» или

«наставление». Все упоминания в отечественных источниках XI–XVII вв. отражают именно это значение и связаны с наставлением детей в определенных нравственных правилах, подкрепленных личным примером учителя, исключая при этом не только физическое воздействие на ребенка, но и грубое с ним обращение. Важно заметить, что многократно цитирующаяся в историко-педагогической литературе «похвала розге» и подобные ей вирши появились в России лишь с середины XVII в. и являлись переводами с польского языка. Между тем они ошибочно отождествлялись и продолжают отождествляться с российской образовательной практикой. На подобного рода заблуждения, встречавшиеся в научной литературе, обращали внимание ученые еще в XIX в. [36. С. 27–42; 37; 63. С. 65].

Большой популярностью у представителей разных сословий на всем протяжении XI–XVII вв. пользовались духовно-нравственные сборники «Пчела», «Измарагд», «Златоструй» и др., которые служили и для домашнего, и для училищного чтения. Помещенные в них многочисленные тексты педагогического характера отражают взгляды своего времени на содержание педагогических понятий. Из этих сборников население Руси узнавало не только о правилах и средствах образования и воспитания, но и о сути многих педагогических понятий. Например, сборник «Златоуст» (список XIII в.) призывал: «Се учитесь, добро есть, день и ночь» [25. П. 56; 30. С. 316]. А в «Пчеле», которую читали в семьях Руси с XI в., были отдельные главы, посвященные обучению и воспитанию: «О жизненной добродетели», «О мудрости», «Об учении и о беседе», «О поучении», «О философии и об обучении детей» и др. Важно, что тексты «Пчелы» при переписывании практически не менялись, сохраняясь на протяжении веков, передавая следующим поколениям то же содержание педагогических понятий, которое усваивали их предки.

Каждая глава сборника содержала изречения из Евангелия, трудов христианских богословов и сочинений античных мыслителей, построенные в определенной последовательности, с тем чтобы вести мысль и направлять побуждения читателя к добрым делам, формируя у него определенную систему ценностей, — т.е. служила достижению образования. Например, глава «Слово об учении и о беседе» начинается цитатой из Евангелия: «Глаголю вам: иже створит и научит, то велик наречется в царствии небеснем». И далее уже из других книг разъясняется, каким должен быть характер учения: «Насильно учение не может твердо бытии, с радостию же и веселием входя твердо прилежит к душам внимающим», при этом «учитель нравом, да не словом покорит ученика». О важности личного примера учителя сборник говорит: «Уча учи нравом, а не словом, иже словом мудр, а дела его несвершена, то хром есть, а иже язык доброглаголив имеет, а душа его непоставна и ненаказана, то неприятен есть, но то правый, иже малы о добродеяньи глаголет, а добродеянья добре являет и прилагает веру к

своему учению житьем своим». Давались и более подробные советы: «Добро житье без ученья паче пользует, нежели ученье без добра житья», объясняя, в чем содержание «добра житья»: «Тело растет трудом мерным, душа же тцанием мудрым». Давались и советы, как следовало бы поступать в конкретных ситуациях: «Се видеv ученика своего селу прилежаща, а учения небрегуща и рече: “блюдиcя, друже, егда село хотя сделати, а душу пустою оставити и не сделанну”» [26. С. 147–157].

Важно отметить, что в усвоении содержания конкретных педагогических понятий важное место на протяжении всего периода XI–XVII вв. занимала наглядность. Это касается, например, сюжета древнерусских икон, названного «Приведение в учение», который достаточно часто изображался иконописцами X–XVII вв. и продолжает изображаться по сей день.

Для обозначения места учения, учебного заведения применялся термин «училище». В Никоновской летописи (список начала XVI в.) упомянуто: «И начаша от отцев и матерей взимати младыя дети, и давати в училище, учитися грамоте» [46. С. 58]. Вопросам организации училищ в России посвящена глава 26 решений Стоглавого Собора 1551 г., которая носит название: «О училищах книжных по всем градом» [65. С. 74–97]. В челобитной киевского митрополита Петра Могилы царю Михаилу Федоровичу, написанной в 1640 г., указано: «И нынешний Волоский воевода Василей добре позна, какова мзда от Бога Вседержителя для воздвиженья училищ от благоговейных и православных учителей бывает».

С конца XIV в. наряду с понятием «училище» в источниках встречаются слова «школа» и «дидаскалия», однако достаточно редко и только для обозначения иностранных учебных заведений или как иностранный термин, оставленный без перевода. Вот, например, свидетельство литовской грамоты 1388 г.: «Теж, естли бы хто как на школу жидовскую метал, тот мает старосте нашому заплатити два фунта перцу... А мает присягати перед школою у дверей» [5. № 9]. А в акте 1322 г. указано: «Тые все села ... мает держати господин наш Климентий ... и дидаскалию основати» [7. С. 3]. К середине XVII в. терминология для обозначения места учения дополнилась введением в оборот терминов «коллегия», «академия», которые получили распространение после вхождения в 1654 г. в состав России западных русских земель. С середины XVII в. термин «школа» постепенно начинает официально использоваться наравне с термином «училище», что хорошо видно, например, из царской грамоты 1654 г.: «А школе, сиречь, училещем, указали мы бытии в Могилеве» [4. С. 228]. Подобное официальное уточнение выполняет роль разъяснения для своих адресатов, которым более привычен термин «училище», чем «школа».

Важным событием, повлиявшим на развитие образования в Русском государстве с XV в., стало заключение Унии Византии с Римом в 1439 г., а затем захват Византийского государства и, как

Педагогические термины иностранного происхождения («школа», «дидаскалия», «дидаскал», «педагог») в источниках XIV–XVII вв.

следствие, самостоятельность Московской митрополии. В результате этих событий на Русь переехало значительное число греческих ученых-монахов, перевезших целые библиотеки и ставших учителями в училищах повышенного типа и наставниками в великокняжеских семьях. Эти события содействовали распространению греческих педагогических терминов в Русском государстве. Так, например, кроме славянского термина «учитель» уже с конца XIV в. используется его греческий синоним — «дидаскал», а с XVII в. входит в оборот термин «педагог». Вероятно, использование этих слов наряду с устоявшимся славянским термином «учитель» спустя несколько столетий после принятия на Руси христианства связано с ростом грамотности и образованности населения, уже хорошо знакомого с отечественной терминологией и готового на этой основе воспринимать иностранные термины и понятия.

Для лучшего усвоения иностранных терминов в России с XVI в. начинают составляться так называемые азбуковники, называвшиеся еще «алфавитами иностранных речей», поскольку почти все они содержали словари иностранных терминов, в том числе и педагогического характера. Предназначались азбуковники как для обучения, так и для повседневного чтения представителей самых разных сословий [6; 3; 40. С. 23–27; 42]. В словаре начала XVI в. «Толкование имен греческих, и еврейских, и римских по алфавиту» обозначено: «дидаскал — учитель» [3. С. 21], а в азбуковнике XVII в. поясняется, что «педагог — дядька или пестун отрочате» [9. Л. 145 об, 174].

Полное соответствие слова «дидаскал» русскому «учитель» находит подтверждение и в таком роде литературы, как Жития святых. Значительное число подобных примеров содержится в Великих Минеях Четых, составленных митрополитом Макарием в середине XVI в. Например: «Егда бо в учителницу дидаскалу еще немующаа дети от родивших ся пестунцы поимше ведут ны на учение и хитрость, яже писменех рукотворити учатся» [27. С. 502] или: «Егда же предан бысть учитися грамоте идыи к дидаскалу» [13. С. 581].

Необходимо заметить, что термин «дидаскал» был известен и использовался еще в XIII–XIV вв., о чем свидетельствует ряд источников, однако широкого распространения этот термин не получил:

«Едино бо всех человек ество, искушения дидаскал» (XIII в.) [33. Т. 1. Л. 46 в];

«Ни бо никогда же философских или ветииских научилися словес, но ество точью имуще дидаскала» (XIII в.) [33. Т. 1. Л. 46 г];

«Чюдный дидаскал, исполн мудрости и разума» (XIV) [28. С. 685].

Другой путь проникновения термина «дидаскал» в Россию проходил через находившиеся в XIV — середине XVII в. в составе Литовского княжества и Польши западные русские земли, с которыми на протяжении этого периода не прекращались экономические и культурные связи. Ярким примером таких отношений стали уставы так называемых братских училищ высшего типа во Львове

(1586 г.) и Луцке (1624 г.), на основе опыта которых строила свою деятельность Киево-Могилянская коллегия. Через западные русские земли несколько позднее, уже в XVIII в., в языковой оборот в России вошел греческий термин «дидактика». В русских княжествах постоянно осуществлялись переводы с греческого, латинского, других европейских языков как религиозных сочинений, так и научных трудов, содержащих малознакомые русскому читателю понятия. Среди них было немало педагогических терминов. В одних случаях переводчики, будучи людьми хорошо образованными, давали всем знакомые русские аналоги иностранных терминов, в других — составляли словари иностранных слов, в которых объяснялось значение малознакомых терминов, в том числе и педагогических. Подобные словари составлялись, переписывались и читались в самых различных регионах Руси. Распространение и популярность подобного рода пособий позволяют говорить о спросе на них и о знакомстве населения Русского государства не только с отечественными, но и с древнегреческими и латинскими педагогическими терминами и понятиями.

Следует отметить, что для обозначения определенного этапа, элемента учения использовался термин «урок», который имел это значение наряду с другими: определенная часть чего-либо; определенный жизненный вывод. «Прилежно и часто послушивати и наказывати их; предавати же комуждо их урок учения с рассуждением, противу коегождо силы со ослаблением», — отмечалось в «Степенной книге» [44. С. 38]. Из приведенного фрагмента виден и учет индивидуальных способностей учеников. Широкое распространение педагогический термин «урок» приобрел лишь со второй половины XVII в.

Важным средством учения признавалось упражнение, поэтому слова «учение» и «упражнение» часто встречаются рядом друг с другом:

«Без всякого отрицания и нужда упражнения суща свободны» (XII в.) [16. Л. 138];

«В книгах упражняться» (XIII в.) [18. Сл. 29];

«Христолюбивая его княгины ... ни на что же ино упражняшесь, но токмо и в церковных потребах и в миловании укоренных, маломощех и всих бедующих» (XIV в.) [38; 45];

«Упражняйтесь дети в чтении книг и в учении день и ночь» (XV в.) [39. С. 52–53].

Важным вопросом, требующим отдельного рассмотрения, является проблема взаимосвязи педагогических терминов и понятий, функционирования их в системе, т.е. становления уже в XI–XVII вв. педагогической терминологии в России. Формат статьи, к сожалению, не позволяет привлечь значительные текстовые фрагменты, наглядно отражающие этот процесс, поэтому ниже приводятся лишь два примера, показывающие наличие в исследуемый период именно системы педагогических терминов и понятий.

Появление понятий «урок», «упражнение» и становление единой системы педагогических понятий

Важным источником, раскрывающим характер всего процесса воздействия на личность ребенка с использованием широкого круга педагогических понятий, является «Степенная книга» — памятник духовно-нравственного, поучительного характера, составлявшийся русскими митрополитами на протяжении XIV–XVI вв. Приводимый фрагмент 1-й части был составлен митрополитом Киприаном (1390–1401): «Богодухновенный же учитель, пресвященный митрополит Михаил призываше к себе всех тех учителей грамотных и наказываше их праве и благочинне учити юныя дети, яко же словесем книжьнаго разума, тако же и благонравию и правде и любви и зачалу премудрости, страху Божию, и чистоте и смиренномудрию, учите же их не яростию, ни жестостию, ни гневом, но растовидным страхом и любовным обычаем и сладким проучением и ласковым утешением; да не унывают, ни ослабеют прилежно и часто прослушивати и наказывати их, предавати же комуждо их урок учения с разсуждением противу коежгождо силы и со ослаблением; да не унывают же наипаче же всегда прилагати им учение от закона Господня на пользу души же и телу, от безумных же и неподобных словес всячески ошаятися. И тако благодатию Божиею, елицы научишася грамоте, от них же бысть множество премудрых философов...» [44. С. 108–109].

Другим примером источника, в котором использовались различные педагогические понятия, может служить «Хроника Георгия Амартола» (XI в.), раскрывающая следующие термины:

- «образствие», «образовати», «образие», «Образ дати», «в Образ изливаемому быти»;
- «просвещение», «просвещати», «просветити»;
- «воспитание», «воспитан»;
- «учение», «учити», «ученик», «учитель», «учительница», «учительство», «учительствовати»;
- «наказание», «наставление», «наставляти», «наставник»;
- «научение», «научати», «научити», «изучати», «изучити» и др. [33. Т. 3. С. 222, 244, 261, 263–264, 273–274, 300, 341].

Основные педагогические понятия в содержании учебных пособий и их распространение в России

Степень и характер распространения рассматриваемых педагогических понятий в XI–XVII вв. может отражать такой показатель, как число учебных пособий и их использование. Все они содержали значительное число разнообразных педагогических понятий, значение которых усваивалось детьми в процессе обучения уже с XI в. Здесь имеются в виду прежде всего азбуки, прописи, учебные псалтыри и учебные часословцы.

Следует отметить, что азбуки отличались друг от друга содержанием, объемом, назначением. Существовали азбуки малые, азбуки-границы, азбуки-прописи, буквари, грамматики. До конца XVIII в. наряду с печатными в широком обращении были и рукописные азбуки, которые составлялись представителями самых разных сословий в различных городах и селах русских земель [60. С. 84–163; 12]. До начала XVIII в. азбуки писались столбцом на длинных,

до нескольких метров, склеенных полосах бумаги. Писали их те, кто занимался обучением детей, — как правило, священники. Например, в Минеи 1438 г. писавший ее священнослужитель просит прощения у читателей за возможные ошибки, поскольку он одновременно книгу писал и «дети уча» [14. С. 8].

При первоначальном обучении кроме задач овладения чтением, письмом, счетом и пением стояли также цели духовно-нравственного воспитания и образования, а также предоставления сведений, необходимых учащимся в дальнейшей жизни. Для этого служили учебные пособия большего объема — азбуки-границы, а с XVII в. — буквари. Эти учебные пособия предназначались не только для обучения чтению и письму, они содержали иногда довольно обширный материал для чтения. В азбуки включались тексты исторического и географического содержания, иногда довольно значительные — по несколько десятков листов. Например, большой популярностью на протяжении XII–XVII вв. пользовалась «Александрия» — история жизни и деятельности Александра Македонского, включавшаяся не только в азбуки, но и в многочисленные сборники для чтения. Интересны свидетельства о времени учения Александра (список 1667 г.): «Елико же царевич Александр из утра до обеда ко Аристотелю ходи; после обеда до вечера к Нектавиану египетскому мудрецу; и к уроку (!) приспе у Аристотеля, и витейство испита, и коло (звездный круг. — *А.Р.*) изведа, и царем прославлен» [1. С. 35].

Все без исключения из просмотренных нескольких сотен рукописных азбук (как в рукописях, так и опубликованных) XII–XVII вв. включали различные тексты и поучения духовно-нравственной направленности, содержавшие педагогические термины. Они хорошо отражают не только идентичность содержания понятий, но и способы формирования их в сознании учащихся на протяжении всего рассматриваемого периода. К числу подобных грамматических учебных пособий можно отнести, например, «Пролог, или Разсуждение о славянском языке», наиболее ранняя рукопись которого относится к XII в. [68. С. 32–36], «Толковую азбуку», получившую распространение с XIII в. [21. С. 410], «Осьмь чести слова» — пособие, известное в Русском государстве с XIV в. [68. С. 326–328, 344–345], — и ряд других. Некоторые из них уже в названии отражали педагогическую терминологию, например: «Написание языком словенским о грамоте и о ея строении, в неже о букве и о ея писменех, вопрошания учителская, яко в лице ученическа, и отвещания ученическа, яко в лице учителско» (XVI в.) [68. С. 360–385].

В ряде азбук XVI в. встречалась рекомендация, приписываемая Максиму Греку: «И надобет седети у учителя добраго год равен, упразнившемуся от всех житейских плиц ... Сего ради требуем мы грекы д(о)лго седети у учителя добраго и учиться со многым трудом и биением, доколе внидет в ум наш ... И ты убо Господине (имярек), аще истинною желаешь дойти конца премудраго сего учения философскаго, поиди сиди у мене год другой покинув си

вся градская суеты и житейска попечения, и будещи пребогатый купец, а учителя послушай» [68. С. 306–307]. В азбуке 1648 г. «Азбук в научение младым детям скорописная», составленной дьяконом Феодосием, приводился такой совет: «Умного учити аки кладезь копати на исполнение многих вод, а безумного учити аки усудно водою наполняти еже в него наливают и паки из него изтекает тако же и безумного учити толма все труды изказнити понеже не разумеет учителнаго ему наказу» [12. С. 5]. Ряд азбук второй половины XVII в. начинался словами «Азбука скорописная в научение писма скорописи всякому хотящему учиться» [Там же. С. 25] или наставлением: «Зри прилежно, внимай разумно, пиши не спешно, прочитай не ложно» [Там же. С. 24].

Другую группу учебных пособий, служивших не только материалом для чтения, но и средством духовно-нравственного воспитания, составляют псалтыри учебные и часословы учебные. Все они снабжались предисловием — рекомендациями для учеников и учителей. Например, предисловие к псалтыри XVI в. содержало «Наказание ко учителем, како им учити детей грамоте и како детям учиться божественному писанию и разумению. Господие и братие, простите нас худых, еже убо написахом в кратце учителем, иже учат младых отрочат грамоте, како им подобает искусство имети в словесех и в речех и в пословицах, чтобы ученикам их было в научение и во извещение разума, а не в срам и понос, пачеже да не в грех. Подобает убо вам, о учителяе, ведети, како вам младых детей учити божественным писменем. Первое убо в начале буквам, сиречь азбуце, по том же часовники и псалтыри и прочая божественная книги и паче же убо всего, еже бы вам наказати и изучити учеником азбука чисто и прямо по существу, како которое слово речию зовется, и не спешно, а и самим бы вам знати же естество словес, и силу их разумети» [68. С. 501]. Кроме того, сами псалмы, которые заучивались и служили материалом при обучении пению, содержали все основные педагогические понятия.

Учебные часословы также всегда содержали вводную статью педагогического характера, адресованную как ученикам, так родителям и учителям: «Сего ради во общую пользу всех православных христиан напечатана сия книга, именуемая часослов, содержащая в себе молитвы, псалмы и хвалы, повседневно от церкви Богу возсылаемая, и ина во церкви потребная: да учащися дети писмен чтению... Юже книгу вы родителие благочестивии, яко началоположение жития христианскаго стяжуще, чадом вашим вручайте ко учению» [58].

С середины XVI в. в Русском государстве начинают использоваться печатные азбуки и грамматики. Своего рода центром печати учебных книг являлся московский Печатный двор, тиражи учебных изданий которого исчислялись тысячами экземпляров, а суммарный тираж, например, только азбук за вторую половину XVII в. составлял сотни тысяч экземпляров. Необходимо заметить, что эти — большие даже для нашего времени — тиражи лишь дополня-

ли создававшиеся повсеместно рукописные азбуки, использовавшиеся вплоть до начала XIX в. В табл. 1 приведен общий тираж трех основных учебных изданий — азбук, учебных псалтырей и учебных часословов — за XVII в., а также перечень основных педагогических понятий, содержащихся в этих пособиях. При этом необходимо иметь в виду, что приводимый тираж учебных пособий предназначался лишь для начального обучения — главным образом для детей 7–9-летнего возраста. Также важно учесть, что информация представлена лишь на основе сохранившихся расходных книг Печатного двора, часть из которых до нашего времени не дошла, поэтому реальный суммарный тираж учебных изданий был значительно больше.

Таблица 1

Печатные учебные пособия XVII в.

Название учебного пособия	Педагогические термины, встречающиеся в учебном пособии	Общее число экземпляров	Период	Средняя стоимость
Азбука	Воспитание, просвещение, образование, учение, научение, учитель, ученики, наставление, училище, школа, дидактика	321 000	1647–1695 гг.	2 денги
Псалтырь учебная	Образие, просвещение, учитель, ученик, ученицы, научение, учение, наставление	111 600	1622–1652 гг., 1666–1698 гг.	14 алтын
Часовник учебный	Просвещение, учитель, ученик, ученицы, научение, учение, наставление, образие, воспитание	157 200	1623–1655 гг., 1661–1697 гг.	10 алтын

Источник: [51].

До 1640-х гг. отпечатанные учебные пособия, как и другие книги, рассылались в соответствии с особыми документами — «Пометами», исходившими из Приказа печатных дел, — с посылными, подьячими, приставами и наборщиками Печатного двора по епархиям и городам. Там эти книги раздавались по училищам монастырей и приходских церквей, а также частным лицам с указанием собирать положенные за книги деньги и предоставлять их в Москву, в Печатный приказ. После 1640-х гг. порядок действий меняется: за книгами из различных районов страны приезжают в Москву специально отправленные для этого люди и покупают в лавке Приказа печатных дел учебные книги большими партиями. В особые приходные книги Печатного двора вносилась запись о продаже каждой книги с обозначением, сколько экземпляров продано, когда, кому, куда, сколько денег за них получено. Практика рассылки сохранялась со второй половины XVII в. лишь для церковных и государственных грамот, указов и подобного рода документов.

Сохранившиеся приходные книги московского Печатного двора позволяют получить сведения о распространении по регионам и сословиям учебных изданий. Данные о сословных различиях в

использовании учебных изданий приходится признать лишь относительно достоверными, поскольку учебные издания, особенно дешевые азбуки, во-первых, закупались для училищ, где обучались дети из самых разных сословий, а во-вторых, могли перепродаваться представителям другого сословия, оставаясь при этом в рамках одного региона. Данные о покупках учебных изданий хорошо отражают и уровень грамотности населения. В табл. 2 в качестве примера приведены сведения о покупках в книжной лавке московского Печатного двора азбук за несколько дней 1650 и 1651 гг. Необходимо заметить, что даже для достаточно крупных для середины XVII в. городов разовое приобретение 200–400 экземпляров одного издания, которое выходило каждый год и закупалось ежегодно в тех же объемах, следует признать значимой покупкой. Ведь печатные азбуки использовались не один год и лишь дополняли многочисленные рукописные азбуки, а детей в возрасте 7–10 лет в таких городах, как Холмогоры или Вятка, вряд ли было более 2–3 тысяч. Анализ подобного рода сведений позволяет судить и о распространении по сословиям и по регионам страны педагогических понятий, отраженных в учебной литературе.

Таблица 2

Сведения о покупках азбук в книжной лавке московского Печатного двора

Дата продажи	Вид учебного издания	Количество проданных экземпляров, всего	Цена за экземпляр	Сословия, род занятий покупателей	Город, регион. Количество проданных экземпляров
8 мая, 12–18 августа 1650 г., 2 июля 1651 г.	Азбука	5300	2 денги	Рядовые работники типографии, священнослужители, купечество	Москва, Галич (404), Белое Озеро (250), Вятка (300), Нижний Новгород (714), Кострома (200), Казань (400), Холмогоры (294)

Источник: [50. Л. 214–216, 509–511 об.].

Педагогические понятия в документах учебных заведений в XVII в.

Другим направлением работы с источниками, позволяющим оценить степень усвоения системы педагогических понятий, является анализ документов, раскрывающих характер образовательной практики в России. В этом отношении интересны источники, связанные с деятельностью типографского училища (1681–1687) при Печатном дворе в Москве и Спасских школ — будущей Славяно-греко-латинской академии. Следует заметить, что усиление западноевропейского и греческого влияния на педагогическую терминологию в России в XVI–XVII вв. сказалось и на новом употреблении термина «школа» — для обозначения ступеней обучения в ряде

учебных заведений среднего и высшего уровня. Об этом, например, свидетельствует документ о выдаче жалования руководителю училища «иеромонаху Тимофею, который учит учеников же на Печатном дворе в школе греколатинскому ж и словесному книжному писанию» [57. Л. 159 об.]. При этом сообщается об учениках «греческой школы» и «славянской школы», которым полагалось выплатить жалование: «Всего на Печатном дворе в школах иеромонаху Тимофею и учеником ... пятнидцать рублей тринатцать алтын две денги» [Там же. Л. 260 об.].

Как и следовало ожидать, в обиходе училища, судя по сохранившимся документам, среди других педагогических терминов преобладал термин «учение» и его производные: «обучение», «изучение», «училище», «учитель», «ученики» и пр. Следует заметить, что поскольку в училище, как следует из документов, учились одновременно более 250 человек, встречающиеся в литературе утверждения о якобы профессиональном, т.е. обслуживающем нужды Печатного двора, характере деятельности училища следует признать ошибочными [31. С. 156].

В объявлении об открытии училища, в которое первоначально были набраны всего 30 учеников, сообщалось, что кроме уже взятых в него могут поступать и «иные, которые похотят учиться, всяких чинов ученики» [54. Л. 89]. Обращает на себя внимание традиционный для учебных заведений России всесословный состав учеников, которые набирались без каких-либо социальных и имущественных ограничений, в том числе и сироты. Уже через год после открытия в училище числились 34 «безродных ученика», а в середине 1685 г. их было 53, при этом общая численность учеников превышала 250 человек [55. Л. 289 об.]. Помимо государственного жалования сироты получали дополнительные средства на одежду и единовременные выплаты. Училище было разделено на отделения: «греческого учения», в котором учили «греческому языку», или «книжному греческому учению», и «славянского книжного писания», где «учатся словесному и писать» [56. Л. 249–249 об.]. Ученики этих отделений были разделены на «статьи», или классы, по возрасту и успехам в науках. В документах, характеризующих деятельность типографского училища, термин «класс» не встречается, однако он уже присутствует в практике Спасских школ братьев Лихудов, о чем будет сказано ниже. Число учеников в каждой «статье» варьировало от 10 до 40, при этом обращает на себя внимание движение учеников только в одну сторону: «третья статья» — «вторая статья» — «первая статья» и ни разу обратно. «Первая статья» греческой школы была своего рода выпускным классом.

Вероятно, под влиянием западно-русской традиции братских школ в учебных заведениях Москвы в XVII в. сложилась система старост, которая широко войдет в педагогическую практику и будет популярна и в конце XX в. В типографском училище в каждом из отделений также были старосты из числа старших, заслуживших уважение своей нравственностью и учебными успехами уче-

ников. Так, в документах о выдаче жалованья ученикам сообщалось: «Учеником же первым и над прочими надсматривалщиком, названным старостам, Силке Семенову два рубли, Власку Обрамову да Андрюшке Осипову по рублю» [56. Л. 249–249 об.]. Разница в жаловании показывает различие в положении старост: первый был, вероятно, главным старостой, двое других — его помощниками.

Термин «учение книжное» как аналог термина «обучение» использовался и во второй половине XVII в. Характеризуя обучение в типографском училище, источники сообщают: «греческого и славенского книжного писания учеником, которые учатся книг на Печатном дворе в школе», «книжное на греческом языке учение», «книжное учение греческого языка» и др. [54. Л. 89–92].

Значительный интерес и с точки зрения использования педагогической терминологии, и с точки зрения организации обучения представляет свидетельство, выданное ученику типографского училища Михаилу Павлову: «Тимофей иеромонах учитель греческия и словенския школы изъявляю, како Михайло киевский житель учился в школе святейшаго патриарха на Печатном дворе русской грамоте. И выучився, восхотел восвояси поити. И сего ради дано ему сие писание, како он из школы отпущен. Тимофей дидаскал (подпись дана по-гречески. — *A.P.*)» [53. Л. 10].

К концу XVII в., как уже отмечалось выше, в практике обучения уже закрепились термины «класс» и «урок» в значениях «конкретная группа учеников, изучающая определенный учебный курс» и «строго определенное учебное задание как элемент обучения». В предисловии к грамматике, составленной братьями Лихудами для учеников Спасских школ, отмечалось: «Сии уроки разделены на три части по числу трех классов: в низшем (*infima*) классе заключаются два разряда учеников, низший (*interior*) и высший (*superior*), а в последних двух классах среднем (*media*) и высшем (*suprema*) находится только по одному разряду учеников. Посему первая часть грамматики назначается для первого низшаго класса» [62. С. 48].

Таким образом, рассмотрение даже небольшой части отечественного литературного наследия и документов XI–XVII вв. позволяет говорить о распространении в этот период целого комплекса педагогических терминов и понятий, а также об их однозначной трактовке в различных источниках и использовании в практике обучения на протяжении всего указанного периода. Центральное место, как и настоящее время, занимал термин «образование», а понятия «воспитание», «обучение», «просвещение» отражали пути реализации целей образования.

Литература

1. Азбука-пропись XVII века с Александрией / сост. Н.А. Маркс. М., 1910.
2. Азбука-пропись времен царя Михаила Феодоровича. М., 1911. С. 8.
3. Азбуковники или алфавиты иностранных речей / сост. А. Карпов. Казань, 1877.
4. Акты Исторические... Т. 4. СПб., 1842.

5. Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России. Т. 1. СПб., 1863.
6. Алексеев М.П. Словари иностранных слов в русском азбуковнике XVII в. Л., 1968.
7. Архив Юго-Западной Руси. Ч. 1. Т. 6. Киев, 1883.
8. Бабишин С.Д. Основные тенденции развития школы и просвещения в Древней Руси (IX–XIII вв.): дис. ... докт. пед. наук. М., 1983.
9. Библиотека Академии наук. Отд. рукописей. Арх. д. № 446. Книга глаголемая гречески алфавит, XVII в.
10. Библиотека Академии наук. Отд. рукописей. № 17.11.4. Пролог (декабрь, январь, февраль), рук. XIV в.
11. Буторина Т.С. Русская педагогическая терминология первой четверти XVIII века: монография / Т.С. Буторина, Е.А. Кошкина. Архангельск: Изд. АГТУ, 2008.
12. Буш В.В. Старинные азбуки-прописи // ИОРЯС. Т. 23. Кн. 1. Пг., 1918.
13. Великие Минеи Четы Митрополита Макария, XVI в. Декабрь 1–5. М., 1901.
14. Великие Минеи Четы Митрополита Макария, XVI в. Ноябрь 1–12. М., 1897.
15. Галагузова М.А. Эволюция понятия «воспитание» // Понятийный аппарат педагогики и образования. Вып. 1. Екатеринбург, 1995.
16. ГИМ. Отдел рукописей. Синодальное собр. № 227. Ефремовская Кормчая, XII в.
17. ГИМ. Отдел рукописей. Чудовское собр. № 16. Пандекты Никона Черногорца, XIV в.
18. ГИМ. Отдел рукописей. Синодальное собр. № 836. Пандекты Никона Черногорца, рук. 1296 г.
19. ГИМ. Отдел рукописей. Хлудовское собр. № 184. Пролог Лобковский, сентябрь, 1262 г.
20. Гликман И.З. Воспитание или формирование? // Педагогика. 2000. № 5.
21. Горский А.В., Невоструев К.И. Описание рукописей Московской Синодальной библиотеки. Т. II. Ч. 3. М., 1855.
22. ГПБ им. М.Е. Салтыкова-Щедрина. Отдел рукописей. Софийское собрание. № 1365. Житие Варлаама и Иосафа, XIV в. // Сборник Житий и Слов XIV–XV вв. Л. 56.
23. ГПБ им. М.Е. Салтыкова-Щедрина. Отдел рукописей. Собрание СПб. Духовной Академии. А.1.264. Т. 2. Пролог Прилуцкий XIV в. Сентябрь — февраль.
24. ГПБ им. М.Е. Салтыкова-Щедрина. Отдел рукописей. Софийское собр. № 384. Стихирарь, 1156–1163 гг.
25. ГПБ им. М.Е. Салтыкова-Щедрина. Отдел рукописей. Q1. Духовно-нравственный сборник.
26. Древняя русская «Пчела» по пергаменному списку / ред. В. Семенов. СПб., 1893.
27. Житие Акакия, XVI век // Великие Минеи Четы. Апрель 8–21. М., 1901.
28. Житие Стефана Пермского (рук. 1396 г.) / Житие святого Стефана Епископа Пермского. СПб., 1897.
29. Изборник 1076 года / под ред. С.И. Коткова. М., 1965.
30. Известия Императорского общества Русского языка и Словесности. Т. 3. 1898.

31. История педагогики и образования от зарождения воспитания в первобытном обществе до конца XX в. / под ред. А.И. Пискунова. М., 2006.
32. Кантор И.М. Педагогическая лексикография и лексикология. М.: Просвещение, 1968.
33. Книги временные и собранные Георгия мниха. Хроника Георгия Амартола в древнем славянском переводе. Тексты и исследования / ред. В.И. Истрин. Т. 1–3. Л.: Изд. АН СССР, 1930.
34. Комаровский Б.Б. Русская педагогическая терминология. М., 1969.
35. Кормчая книга Ефремовская. Правило Гангрского собора / ЧОИДР. 1867. Кн. 2.
36. Куприянов И. Заметки для истории просвещения в России / ЖМНП. Ч. VII. 1855. Август.
37. Лавровский Н.А. О древнерусских училищах. Харьков, 1854.
38. Летопись по Ипатскому списку. СПб., 1871.
39. Макарий (Булгаков). История Русской церкви. В 12 т. Т. II. СПб., 1857.
40. Мордовцев Д. О русских школьных книгах XVII в. / ЧОИДР. Кн. 4. 1861.
41. Пандекты Никона Черногорца в древнерусском переводе XII века / ред. К.А. Максимович. М., 1998.
42. Петров А.П. Азбуковник о нерадиво учащихся ученицех // Народное образование. 1896. Кн. XI.
43. Петров В.М. Воспитание и обучение в Древнерусском государстве IX–XV вв.: дис. ... канд. пед. наук. М., 1982.
44. Полное собрание русских летописей, изданное по Высочайшему повелению Императорскою Археографическою комиссиею. Т. 21. Степенная книга Царского родословия. СПб.: Тип. М.А. Александрова, 1908.
45. Полное собрание русских летописей. Изд. 2-е. Т. 2. Ипатьевская летопись начала XV в. СПб., 1908.
46. Полное собрание русских летописей. Т. 9. Никоновская летопись. СПб., 1862.
47. Полное собрание русских летописей. Т. I. Вып. 1. ПВЛ. Лаврентьевская летопись, список 1377 г. Изд. 2-е. Л., 1926.
48. Полное собрание русских летописей. Т. IV. Прибавление к Софийской летописи. СПб., 1848.
49. Полное собрание русских летописей. Т.V. Псковская летопись. СПб., 1851.
50. РГАДА, ф. 1182. Оп.1. Д. 47.
51. РГАДА, ф. 1182. Оп.1. Д. 34, 39, 47, 52, 57, 58, 64, 70, 75, 81, 91.
52. РГАДА, ф. 381. Д. 172.
53. РГАДА, ф. 210. Оп. 15. Д. 97.
54. РГАДА, ф. 235. Оп. 2. Д. 102.
55. РГАДА, ф. 235. Оп. 2. Д. 108.
56. РГАДА, ф. 235. Оп. 2. Д. 111.
57. РГАДА, ф. 235. Оп. 2. Д. 118.
58. РГБ. Отдел рукописей. № 3568. Часословец, XV век.
59. РГБ. Отдел рукописей. № 256 (Рум.) № 153, Житие Евфимия Суздальского, XVI в.
60. Сапунов Б.В. Книга в России в XI–XIII вв. Л., 1978.
61. Словарь терминов по истории педагогики / под ред. В.В. Макаева. Пятигорск: Изд. ПГЛУ, 1997.
62. Смирнов С.К. История Московской Славяно-греко-латинской Академии. М., 1855.

63. Соболевский А.И. Переводная литература Московской Руси XIV–XVII вв. Библиографические материалы. СПб.: Тип. Имп. АН, 1903.

64. Срезневский И.И. Материалы для словаря русского языка по письменным памятникам. Т. 2. Ч. 1. СПб., 1903.

65. Стоглав. Собор бывший в Москве при Великом Государе Царе и Великом князе Иване Васильевиче в лето 7059. Изд. 2-е, испр. СПб.: Воскресение, 2002.

66. Труды Общества Истории и древностей Российских. Ч. IV. М., 1828.

67. Чтения в Императорском Обществе Истории и древностей Российских. 1847. № 6. Смесь.

68. Ягич И.В. Разсуждения южнославянской и русской старины о церковно-славянском языке. СПб.: Тип. Имп. АН, 1896.

69. Ягич И.В. Служебные минеи за сентябрь, октябрь и ноябрь. В церковнославянском переводе по русским рукописям 1095–1097 гг. // Труды Общества Русского языка и словесности. СПб., 1886.